

В. И. ВЕРШИННИН (г. Йошкар-Ола)

УДМУРТСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПРИКАМСКИХ ГОВОРАХ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Удмуртизмы в говорах марийского языка еще не были предметом специального рассмотрения. Между тем языковые контакты между мари и удмуртами продолжались в течение очень многих столетий, а на уровне отдельных говоров они не исчезли и поныне. Некоторые широко распространенные марийские слова могут иметь пермское происхождение, напр., **тылзе**, моркинск. уст. **тылче**, сарап. **тылыз'е**, горн. **тылзы** «луна; месяц», ср. у. **толэзь**, к. **тӧлысь** «тж»; м. луг. **ужга**, горн. **ыжга** «шуба» вряд ли возможно прямо возвести к финно-угорскому * **-исе-** «овца», но ср. у. **ыжку** «овчина» при у. и к. **ыж** «овца» и ку «шкура».

История контактирования Прикамских говоров (далее: ПГ) с удмуртскими диалектами могла быть довольно сложной. Как известно, мари, как и удмурты, были вынуждены покинуть обжитые места и переселяться на новые, тем самым эти контакты часто прерывались. Очевидно, предки марийцев Прикамья контактировали с удмуртами и до своего переселения с более западных территорий (с Правобережья Вятки и т. д.) И на новом месте, судя по данным топонимики и по удмуртизмам местных говоров, в прошлом контакты прикам-

ских мари с удмуртским населением были более тесными, чем ныне (в верховье реки Бима и т. д.). В настоящее время только жители трех марийских деревень (В. ИЖ-Б., М.-Г., Унур-Княсово — все в УАССР) в большинстве своем владеют удмуртским языком, в их речи обнаруживается наибольшее количество удмуртизмов. Но нельзя не заметить, что в ПГ, как и вообще в марийском языке, удмуртских заимствований по сравнению с чувашизмами, татаризмами и русизмами немного, особенно слов, получивших широкое распространение. Главная причина, на наш взгляд, кроется не в отсутствии каких-то особых внутренних свойств языка, позволяющих влиять на другие языки, а в том, что такие языки, как марийский и удмуртский, никогда не были средством межнационального общения, как в свое время болгарский, затем татарский для народов Среднего Поволжья. В подтверждение этому можно указать на то, что слабое развитие национально-русского двуязычия в еще недавнем прошлом было причиной тому, что на многие диалекты марийского и удмуртского языков татарский оказывал гораздо более сильное влияние, чем господствующий государственный русский язык царской России, а со сменой национально-татарского двуязычия мари и удмуртов на национально-русское почти прекратилось заимствование из татарского языка, из русского же резко возросло.

Удмурты и мари были народами очень близкой культуры, что вряд ли особенно способствовало их взаимному языковому влиянию. Кроме того, марийцы, теснимые другими народами, в свое время были вынуждены отеснять удмуртов на восток, что, очевидно, также не способствовало общению между ними. Выражения у. порпи ыбыльське «марийский мальчик стреляет» — ПГ одэрге лүкала «удмуртский парень стреляет» (о треске деревьев в морозы) могут свидетельствовать о том, что отношения между этими двумя народами не всегда были дружескими. Однако в некоторых местах хорошие отношения между мари и удмуртами могли сложиться сравнительно давно, напр., в д. М.-Г. и Удмуртское Гондырево. Основная масса носителей ПГ не владеет удмуртской речью, это главная причина того, что удмуртские проникновения в речи марийско-удмуртских билингов, оставаясь непонятными для остальных марийцев, не перенимаются ими. Так, напр., из-за этого удмуртизмы пельтэм «глухой», италма'с «купальница» (В. Иж-Б.) не становятся общим достоянием ПГ.

Этими причинами объясняется то, что удмуртский язык оказал гораздо большее влияние на фонетику ПГ, чем на лексику. Сюда можно отнести сохранение какуминального *ти*,

напр. ПГ **ко'тшо** «горький» и т. д. **мутшыву'й** «кочка», и, возможно, также **дж** в сочетаниях **ндж: кунджа'ш** «копать и т. д.», **пунджо** «сосна», ср. у. **пужым** «тж» с ж. По-видимому, не случайно в речи кукморских, мамадышских и некоторых других небольших отдельных групп прикамских мари, непосредственно давно не соседящих с удмуртами, эти **тш** и **дж** заменились звуками **ч** и **жь**. От других марийских диалектов ПГ отличаются полным отсутствием озвончения звука **т** в каритивном суффиксе **-тэ, -ты-**, ср. ПГ **ыштытэ**, «не делая» (м. луг. **ыштыде** «тж»), **йо'лтымо** (м. луг. **йо'лдымо**) «безногий; без ног» — у. **китэм** «безрукий; без рук» при у. **ки** «рука» и т. д. (отметим, что для ПГ звонкий **д** не чужд и даже иногда **т** озвончается: **киде'дым** «твою руку» при м. луг. **киде'тым** «тж»). В этом случае удмуртский язык благодаря наличию соответствующего суффикса **-тэм** способствовал сохранению глухости **-т-** марийского суффикса **-тэ/-ты-**, хотя здесь могли быть и другие причины. В ПГ отмечается переход **ч** в **сь** и **с:** тат. **Сандугач** (жен. личное имя) > ПГ **Сандуга'сь, Сандуга'с**, рус. **паралич** > ПГ **парали'с**, ср. у. диал. **капкач** и **капкась** «крышка». Правда, нельзя не отметить, что сходное фонетическое явление встречается в истории многих языков Среднего Поволжья и Приуралья. Но удмуртский язык, без сомнения, способствовал сохранению палатализованных **ось** и **зь** в речи подавляющего большинства прикамских мари, ср. кукм., сарап. **посяна.**, иногда: **пося'н** «свояк» — у. **бусён, бусёно** (<чув. **пусана** со звуком **сь**), сарап. **окся'** «деньги» — у. **уксё** (<чув. **укса, окса**) «тж», кукм., сарап. **куз'е, куз'е** «как каким образом» — у. **кызы** «тж». Удмуртским влиянием можно считать также переход сочетаний **льй** в **л'л'**, напр. в **Улляна** < **Ульяна, Илля** < **Илья** — ср. у. и к. **Илля** из рус. **Илья**.

Представляется вероятным, что удмуртские безличные глаголы долженствования, выражающие необходимость действия (типа **мыноно** «надо идти») способствовали возникновению особой формы глагола на **-шашан** в ПГ, напр., **кайшаша'н** «предстоит уйти, уехать, отбыть; намеревается отбыть», **толшаша'н** «должен прибыть, ожидается (его) прибытие (приход, приезд)», **кочшаша'н** «следует (предстоит) есть (заняться едой)».

Некоторые слова ПГ под влиянием близких по звучанию и семантике удмуртских лексем изменили свой фонетический облик, ср. ПГ **пужа'ш** (м. луг. **пыжа'ш**) «гнездо» и у. **пуз:** **пужкар** «тж»; в данном случае возможность перехода **пужаш** < **пыжаш** подтверждается наличием в ПГ варианта **пыжаш** в выражении **лавра' пыжаш** (о неопрятном жилище,

букв. «гнездо грязи»); **күре^ннь** (В. Иж-Б.) при м. **күрен**, **кы-рән** «коричневый» — у. **курень** «тж»; **баба^ш** (В. Иж-Б.) при м. **папаш**, **пәпәш** дет. «спать» — у. **бабыны** «тж», **бл'и-бл'и**, В. Иж-Б.— (слова подзывания овец, ягнят), ср. у. **бли-бли**, **плие-плие**, **пле-пле** «тж». Нельзя также исключать возможности влияния удмуртских слов на фонетический облик сарап. **умала^ш** при м. **мала^ш**, **ама^{лаш}** «спать», ср. у. **ум** «сон», ПГ **сонро^т** «глухой, слабослышащий» — у. **сонгро** то же, **менро^т** «глупый, дурак» при м. луг. **менра**. «бестолковый, вялый, не энергичный», ср. у. суфф. **-ро**, часто соответствующий обычному м. **-ра**: у. **лаптро**, **лоптро** «неуклюжий» и т. д.— м. **лоптра**. «аляповатый, дурно скроенный; низкий и толстый», у. **лустро** «лохматый» — м. **лустра^т** «лохмотья; косматый», **луштра^т** «лохматый; некрасивого телосложения» и т. д.

Некоторые русизмы как в ПГ, так и в удмуртском языке имеют очень сходный фонетический облик: ПГ **лень** «линь» (вид рыбы) — у. **лень** «тж», сарап. **ляпа** дет. «пятнашки (вид игры)» — у. **ляпа** «тж». Чувашизмы и татаризмы подчас имеют сходство в своих семантических особенностях, напр., ПГ **шара^т** : **шара уштö** «широкий вышитый женский пояс» — у. диал. **зар** «вышитый широкий пояс невесты» (ср. чув. **сара**, сар «сара, вид поясного украшения с вышивками»). Здесь, учитывая наличие в ПГ термина **одыла^т уштö** и в горном наречии **оды ла ышты** «пояс, украшенный кисточками» (в обоих случаях: «пояс на удмуртский лад»), можно было бы предположить заимствование через удмуртский язык, однако **шара** в ПГ по фонетическим причинам затруднительно возводить к у. **зар**; м. **кашка^т** «коряга, кряж» у мамадышских мари имеет также значение (перен.) «тяжесть» при у. **кеска** «малоподвижный, тяжелый на подъем», ср. чув. **каска** «колода, чурбан, плаха»; ПГ **йома^к** «сказка», «что-то невероятное; глупая, смешная история» при у. юмок «смешной случай» и т. д. (см. также ниже **юмок**), ср. чув. **юмах** «сказка; миф; разговор»; ПГ **пе ре** «смерч, вихрь», «злой дух» — у. **тöлпери** «дух ветра», «смерч, вихрь» (ср. тат. **пәри** «нечистая сила, черт, бес» < перс.), у. **тöл** «ветер; ветряной», ПГ **кайра^н** «высококачественный», «милый, родной, близкий сердцу», уст.: межд. для выражения жалости или сожаления, напр., э. **кайра-ан!** «какая жалость!» при у. **карьян** «несчастный, жалкий, бедный», ср. тат. уст. **хәйран** «поразительный, изумительный, чудесный»; ПГ **суре^т** в бранном выражении **адемсуре^т** «подобие человека» при обычном значении «рисунок, картина» (**аде^м** «че-

ловек; человека, человеческого»), ср. у. суред «картина, рисунок», «чучело, пугало» < тат. сурәт «картина, образ» (в арабском: «вид, образ, изображение»). В этих примерах, если имеет место влияние, то в большинстве случаев оно вероятнее со стороны удмуртского языка, поскольку марийские варианты в семантике слов не имеют широкого распространения.

В число прямых лексических заимствований ПГ из удмуртского языка можно включить следующие слова:

1. **ви·че** в составе орнитонима **ви·че варасе·м** (С. К.) «ласточка» при обычном для ПГ **варасе·м, вараксе·м** «тж», м. луг. **вараксим**. Компонент **виче** фонетически совпадает с м. **Ви·че** — названием р. Вятка, протекающей в нескольких километрах от этой деревни, но тем не менее он не от этого гидронима, скорее от у. **вече** «ласточка».

2. **вўльö** «камбий, камбиальный слой дерева», ср. у. **вўльы** «окорённое дерево» и т. д. и **вўльыны** «тесать, строгать; окорять, подсачивать (дерево)». Семантическая связь между «камбий, сок дерева» м. **выл'е, вил'е, вўльö** и «окорять; подсачивать, выпускать древесный сок» у. **вўльыны** вполне очевидна. Следует отметить, что в прошлом камбий с окоренных стволов деревьев употреблялся в пищу. Можно предполагать, что ПГ **вўльö** и м. луг. **выл'е, вил'е** первоначально означало «выструганный, соскобленный (со ствола дерева)».

3. **Ильма**: **Ильма юмо** (при м. **юмо** «бог») — почти забытый теоним: бог Ильма, компонент **Ильма** сохраняется в топонимах **Ильма· чара·** (м. чара «поляна») и **Ильма курык** (м. **курык** «гора») — так окрестные марийцы называют Семиколенный холм и поляну Булда на его вершине близ деревни Варали. Но чаще этот заметный издали холм ими называется **Патыр курык** «гора Богатыря». На нем удмурты и мари периодически устраивали крупные общественные моления, причем последние, как считает местное население, не были их главными участниками. А это позволяет предполагать, что **Ильма** в местных говорах марийцев — из удмуртского языка, ср. у. **инмар, иньмар** «бог» (марийский вариант отражает более архаичный облик с **-льм-**, ср. у. **кынмыны** < ***кылмыны** «замерзнуть» при м. **кылмаш, кылмаш** «тж», фин. **kuhlmä** «холод») и название чувашского божества **Ильмар кылли** (**Ильма·р келли·**), первый компонент которого чувашскими лексикологами связывается с у. **инмар**. Очевидно, и второй компонент также удмуртского происхождения — ср. у. **кыль** «зараза, поветрие и т. д.».

4. **кузырго, кузырго** «горько-кислый, остро-кислый»,

ср. у. **кузъыраны** «скиснуть», в м. **куз'ырго** выделяется суффикс прил. -го.

5. **лапча** (В. Иж—Б.) «полок в бане» <у. **лапча** «тж».

6. **лаур** «нарыв под кожей, чирей без головки», ср. у. диал. **лаур** «туберкулез желез», «золотуха»; **лаур турын** бот. «воронец колосистый», «купена». В отдельных подговорах ПГ также лагор «нарыв, опухоль» и **лаур шудо**, **лаго'р шудо**, **улагыр шудо** — вид растения, в прошлом применявшийся для лечения нарывов под кожей. Вполне очевидно, что **лагор** и **улагыр** — фонетические варианты слова **лаур**, их этимология не совсем ясна, но незначительная распространенность марийских слов в нескольких вариантах позволяет предположить их заимствованный характер.

7. **лаяш** (Микай 1920:9) «стереться», ? «полопаться» — о волдырях, ср. у. **лайыны** «месить и т. д.», к. **лойны** то же.

8. -мор: **ала-мо'рым** (Микай 1920:18, 31) «что-то (бог знает, неизвестно) что» при обычном в ПГ **ала-мом** то же. Ср. у. **мар** «что»; очевидно, м. -мор <мар под влиянием м. мо «что».

9. **мугаяш** «задерживаться в своем развитии», **мугае'н илаш** «жить не очень хорошо, сетуя на свою судьбу» при м. **илаш** «жить», ср. у. **муганы** «задержаться» и т. д., к. **мугны** «упрямиться, пятиться (о лошади)».

10. **Ювера** (М.—Г.) — название совокупности родственников, ср. у. микроэтноним **Юбера**, а также у. ойконимы **Юбери**. Предки этих мари могли некогда проживать, напр., вблизи д. Юбери около г. Можга, однако основателем их рода мог быть мариизовавшийся удмурт группы Юбера. Жителей М.-Г. окрестные мари называют **киса'ка'лык** «народ синицы», ср. у. **юбер** «скворец; дрозд; сойка», к. **ябыр** «скворец», к.-перм. **ябыр** «вид серой птички», с которыми связывают у. **Юбера**.

11. **юмо'к: ой юмок!** — выражение изумления, ср. у. **юмок** «смешной случай и т. д.».

В фитонимах **плеж путш**, **пле'зе путш**, **пельза' шудо** «пижма обыкновенная» первые компоненты трудно объяснить с помощью м. **пи'зле**, **пы'зле** «рябина», гораздо ближе у. **палэзь** то же, **палэзь турын** «пижма». **Пельза**, **пле'зе**, **плеж**, а также, скорее всего, м. луг. **пуле'ж: аракапуле'ж** «свербига восточная» проникли из удмуртского языка уже давно, очевидно, до появления у. **палэзь** из форм, близких к к. **пелысь**, **пелидз**, **пелич** «рябина». Не без удмуртского влияния в ПГ появились **тумпүкш**, **тумпүгыш** «жёлудь» (букв.: «дуба орех», что сходно с у. **тыпы мулы** «тж»), **пелода'р** «не dokonчив; не завершая; в незавершенном виде; не делающий дел до конца» и **пелдү'р**

«бок, сторона, правая или левая сторона предмета», ср. у. пал-дур «однобокий», «недоделанный»; ершугыш (С. К.) «пиявка» появился под влиянием у. ты сэра «тж», при этом в ПГ м. ер «озеро» благодаря у. ты «озеро, пруд» стало также означать «запруженное место», ср. ПГ койе*р «рыбная запруда» при м. кол рыба; рыбный», ерын кине* «конопля, моченая в пруду или в яме». О*жо тага* (У.—С.) «племенной баран» (ср. ожо тага то же в речи сернурских мари) из м. ожо «жеребец» и тага «баран» могло образоваться благодаря наличию у. улошо (карем) така «кастрированный баран»; елаб. алша* ышта*ш «кастрировать» калькировано с у. улошо карыны «тж» (в обоих случаях букв.: «мерин делать»). Скорее всего, на основе у. капчи «нетрудный, легкий» появилось экспрессивное сарап. кыпши*к—кыпши*к «лёгонький, слишком легко поднимаемый» (о ребенке). Результатом контаминации м. туй*ш «рубить, измельчать» и у. тусь «колода для водооя» и т. д. представляется в ПГ слово туйэс «корытце для рубки овощей», а на основе м. кукшо «сухой» и у. кёс то же (обе лексемы могут иметь значение «пустой», ср. ПГ ку*кшылан ойгыра*ш «печалиться из-за пустяков, горевать попусту» и у. кёс кийн «с пустыми руками») в речи марийско-удмуртских билингвов ПГ могло возникнуть слово коша*й, примерно соответствующее рус. «шиш с маслом», с вариантом ко*шай межд., выражающее разочарование из-за отсутствия или неполучения чего-либо.

В таких случаях, как, напр., ПГ аппа*, апа*! межд. при подбадривании младенца—у. абба: абба карыны «целовать», букв.: «делать абба»; ПГ мака «бука; медведь» дет.—у. моко то же; ПГ путшылана*ш развариться (о каше)—у. вуҗ-вуҗ—образн. о кипении густой массы; ПГ пычырана*ш «надоедать»—у. бётъыр «говорить без умолку» (б. карыны); ПГ тынга «желтое насекомое, похожее на маленькую осу»—у. диал. тьнгътънь «жалить» и т. д., трудно указать на направление влияния. Все изложенное позволяет делать вывод, что ПГ и соседние удмуртские диалекты активно влияли друг на друга.

СОКРАЩЕНИЯ

елаб.—елабужский говор марийского языка, к.—коми язык, кукм.—кукморский говор марийского языка, м.—марийский язык, сарап.—сарапильский говор марийского языка, тат.—татарский язык, у.—удмуртский язык, чув.—чувашский язык. Названия марийских деревень: В. Иж-Б.—д. Верхняя Иж-Бобья Малопургинского района УАССР, Варали и М.-Г.—деревня Варали и Мари-Гондырево Алнашского района УАССР, Нырҗ.—Нырҗында и У.-С.—Усть-Сакла—деревни Каракулинского района УАССР, С. К.—д. Старый Куклюк Елабужского района ТАССР.